

Сергей ЕСЕНИН

Полное
собрание сочинений

Том шестой

ПИСЬМА

Издание третье

КХ инв.1010047

МОСКВА
2015

Муниципальное учреждение
культуры
городского округа Тольятти
"Библиотека Автограда"
Отдел организации
и использования
единого фонда

1010047

38. А. В. ШИРЯЕВЦУ

21 января 1915 г. Москва

Москва, 21 января 1915 г.

Александр Васильевич!

Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежемесячника и по 2 номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева. Хотя Ваша стадия от них далека. Есть у них красивые подделки под подобные тона, но это все не то. Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения. Моих стихов в Чарджуе Вы не могли встречать, да потом я только вот в это время еще выступаю. Московские редакции обойдены мной успешно. В ежемесячнике я тоже скоро наверное появлюсь.

Есть здесь у нас еще кружок журнала «Млечный Путь». Я там много говорил о Вас, и меня просили пригласить Вас.

Подбор сотрудников хороший. Не обойден и Игорь Северянин. Присылайте, ежели не жаль, стихов, только без гонорара. Раскаиваться не будете. Журнал выходит один раз в месяц, но довольно изрядно.

Кстати, у меня есть еще Ваше стих<отворение> «Городское». Поправьте, пожалуйста, последнюю строчку.

«Не встречу ль я любезного на улице в саду» — переправьте как-нибудь на любовную беду. А то уж очень здесь шаблонно.

Строчки «что сделаю-поделаю я с девичьей тос-

кой» — краса всего стихотв<орения>. Оно пойдет во 2 номере «Друг народа». Если можно, я попросил бы карточку Вашей с<обственной> персоны. Ведь книги стихов у Вас нет.

Очень рад за Вас, что Вашу душу девушка-царевна вывела из плена городского. Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны.

Жму руку Вашу. Со стихами моими Вы еще познакомитесь. Они тоже близки Вашего духа и Клычкова.

Ответьте, пожалуйста.

Уважающий Вас

Сергей Александрович Есенин.

Москва, 2-й Павловский пер.

д. 3, кв. 12.

80. А. В. ШИРЯЕВЦУ

30 марта 1917 г. Петроград

Рукой С. А. Есенина:

Христос Воскресе! дорогой наш брат Александр.
Кланяются тебе совместно любящие тебя Есенин,
Клюев, Клычков и Пимен Карпов.

Рукой Н. А. Клюева:

Христос Воскресе, дорогая Запевка. Целую тебя в сахарны уста и кланяюсь низко. Н. Клюев.

Рукой С. А. Есенина:

С красным звоном, дорогой баюн Жигулей и
Волги. Цвети крепче.

Сергей Есенин.

Рукой П. И. Карпова:

Пимен Карпов — привет!

На обороте:

Ташкент
[Туркестан]
Новая, 56

Александр Абрамову

81. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Конец мая — начало июня 1917 г. Петроград

Дорогой Шура,

очень хотел приехать к тебе под твое бирюзовое небо, но за неимением времени и покачнувшегося здоровья пришлось отложить.

Очень мне надо с тобой обо многом переговорить или списаться. Сейчас я уезжаю домой, а оттуда напишу тебе обстоятельно. Но впредь ты меня предупреди, получишь ли ты эту открытку

Твой Сергей.

Кузьминское п. отд.
Село Константиново
Рязанск. губ. и уез.
С. Есенину

На обороте:

Ташкент
Новая 56
Александр Васильевичу
Абрамову

82. А. В. ШИРЯЕВЦУ

24 июня 1917 г. Константиново

1917. Июнь 24.

Хе-хе-хо, что ж я скажу тебе, мой друг, когда на языке моем все слова пропали, как теперешние рубли. Были и не были. Вблизи мы всегда что-нибудь, но уж обязательно сыщем нехорошее, а вдали все одинаково походит на прошедшее, а что прошло, то будет мило, еще сто лет назад сказал Пушкин.

Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они

люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отношении их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поветрием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина.

Тут о «нравится» говорить не приходится, а приходится натягивать свои подлинней голенища да забродить в их пруд поглубже и мутить, мутить до тех пор, пока они, как рыбы, не высунут свои носы и не разглядят тебя, что это «Ты». Им все нравится подстриженное, ровное и чистое, а тут вот возьмешь им да кинешь с плеч свою вихрастую голову, и боже мой, как их легко взбаламутить.

Конечно, не будь этой игры, весь успех нашего народнического движения был бы скучен, и мы, пожалуй, легко бы сошлись с ними. Сидели бы за их столом рядом, толковали бы, жаловались на что-нибудь, а какой-нибудь эго-мережковский приподымал бы свою многозначительную перстницу и говорил: гениальный вы человек, Серг. Ал. или Ал. Вас., стихи ваши изумительны, а образы, какая образность, а потом бы тут же съехал на университет, посоветовал бы попасть туда и довольный тем, что все-таки в жизни у него несколько градусов больше при универс<итетской> закваске, приподнялся бы вежливо встречу жене и добавил: «Смотри, милочка, это поэт из низов...» А она бы расширила глазки и, сузив губки, пропела: «Ах, это вы самый, удивительно, я

так много слышала, садитесь». И почла бы удивляться, почла бы расспрашивать, а я бы ей, может быть, начал отвечать и говорить, что корову доят двумя пальцами, когда курица несет яйцо, ей очень трудно, и т. д. и т. д.

Да, брат, сближение наше с ними невозможно. Ведь даже самый лучший из них, Белинский, говоря о Кольцове, писал «мы», «самоучка», «низший слой» и др., а эти еще дурее.

Но есть, брат, среди них один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим, это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя.

На остальных же просто смотреть не хочется, с ними нужно не сближаться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется. Таков и Блок, таков Городецкий, и все и весь их легион.

Бывают, конечно, сомнения и укоры в себе, что к чему и зачем все это, но как только взглянешь и увидишь кого-нибудь из них, так сейчас же оно, это самое-то, и всплывает. Любо́тно уж больно потешиться над ними, а особенно когда они твою блесну на лету хватают, несмотря на звон ее железный. Так вот их и выдергиваешь, как лещей или шелесперов.

Я очень и очень был недоволен твоим приездом туда. Особенно твоими говореньями с Городецким. История с Блоком мне была передана Миролубовым с большим возмущением, но ты должен был ее так не оставлять и душой своей не раскошелиться перед

ними. Хватит ли у них места вместить нас? Ведь они одним хвостом подавятся, а ты все это делал.

В следующий раз мы тебя поучим наглядно, как быть с ними, а пока скажу тебе об издательствах: Аверьянов сейчас купил за 2 1/2 тыс. у Ключева полн<ое> соб<рание> (выш<едшие> кн<иги>) и сел на них. Дела у него плохи, и издатель он шельмоватый. «Страда» — это просто случайные сборники под редакц<ией> Ясинского, а остальные журналы почти наполовину закрыты.

Мой план: обязательно этой осенью сделать несколько вечеров, а потом я выпускаю книгу в одном издат<ельстве> с платой по процентам и выпущу сборник «пятерых» — тебя, меня, Ганина, Ключева и Клычкова. (О Клычкове поговорим еще, он очень и близок нам, и далек по своим воззрениям.) Но все это выяснится совсем там, в сентябре. Стихи посылай в «Скифы», нов<ый> сборн<ик>, и «Заветы» на имя Разумника Васильевича Иванова, Царское Село, Колпинская, 20. Это не редакция там, а его квартира. Ему посылать лучше, он тебя знает, и я ему о тебе говорил. А пока всего тебе доброго.

Твой Сергей.

Константиново.

83. М. П. МУРАШЕВУ

21 ноября 1917 г. Петроград

Дорогой Миша!

Посылаю тебе билет, но извини, что не мог зайти сам к тебе. Занят по горло, а телефон твой не работает.

Любящий тебя
Сергей.